

В. П. Авенариус

**Создатель Русской оперы
Михаил Иванович Глинка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. П. Авенариус**
Создатель Русской оперы Михаил Иванович Глинка / В. П. Авенариус – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 262 с.

ISBN 978-5-517-82955-9

Создатель Русской оперы, Михаил Иванович Глинка. Биографическая повесть для юношества.

ISBN 978-5-517-82955-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Прологъ. Женитьба родителей . . .	1
Глава I. Подъ крылышкомъ бабушки .	21
„ II. „Музыка — душа моя!“ .	28
„ III. Недоросль изъ дворянъ	48
„ IV. Скоморохъ . . .	61
„ V. Національная струя. . .	85
„ VI. „Полжизни за либрето!“	107
„ VII. Медовые мѣсяцы жизни и творчества	129
„ VIII. „Жизнь за царя“	144
„ IX. Свои и „братія“ . . .	171
„ X. „Русланъ и Людмила“ .	201
Эпилогъ * .	227

ПРОЛОГЪ.

Женитьба родителей.

(1802.)

Въ частной жизни каждого семейства найдутся такіе знаменательные дни, память о которыхъ не изглаживается годами. Для семьи владѣльца села Новоспасскаго, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, капитана въ отставку, Николая Алексѣевича Глинки, такимъ достопамятнымъ днемъ было 30-е мая 1802 г.

Съ ранняго утра всѣ обитатели барскаго дома, начиная съ господъ и кончая послѣднимъ казачкомъ, были уже на ногахъ. Самъ Николай Алексѣевичъ, въ бархатномъ халатѣ нараспашку, сколько времени уже сидѣлъ на балконѣ въ ожиданіи своего утренняго чая.

Передъ балкономъ съ четырьмя высокими колоннами, по пологому скату разстилались цвѣточный садъ и лугъ до самой рѣки, откуда вѣяло утреннею свѣжестью; вмѣстѣ съ нею на балконѣ

приносило и сладкій запахъ цвѣтовъ съ ближайшей клумбы. Но майское солнце начинало уже припекать, и Николай Алексѣевичъ отодвинулся въ тѣнь колонны; однако, ненадолго: солнечные лучи, игравшіе золотыми зайчиками на пузатомъ, ярковычищенномъ самоварѣ, стали опять подбираться къ хозяину изъ-за колонны, и онъ долженъ былъ отодвинуться еще далѣе. Самоваръ же кипѣлъ, пыхтѣлъ,— пока совсѣмъ не отпыхался; только изъ носа чайника на канфоркѣ струился еще душистый паръ.

Самому Николаю Алексѣевичу, правда, не стоило бы труда протянуть руку къ чайнику; но заваривала и разливала чай разъ навсегда супруга его, Ѳекла Александровна, а нарушить порядокъ, введенный ею, было немисливо. Временами только старичокъ нашъ прислушивался къ ея повелительному голосу, раздававшемуся то въ нижнемъ этажѣ, то изъ открытыхъ оконъ спальни во второмъ этажѣ; прислушается и тихонько вздохнетъ.

Тутъ на порогѣ показался единственный его сынъ и наслѣдникъ, Иванъ Николаевичъ или попросту Ваня, юноша лѣтъ восемнадцати. Несмотря на ранній часъ, одѣтъ онъ былъ въ новый голубой фракъ, а въ рукахъ держалъ цилиндръ и бѣлыя лайковыя перчатки.

Приложившись къ рукѣ отца, юноша пожелалъ ему добраго утра.

Здравствуй, сынокъ, здравствуй, —отозвался старикъ; а затѣмъ, опасливо оглянувшись на стеклянную дверь изъ залы, вполголоса прибавилъ:

И какъ это у тебя, право, духу хватаетъ на такую штуку?

Сынъ смущенно завертѣлъ въ рукахъ свой цилиндръ и сталъ оправдываться:

— Да развѣ я, папенька, самъ отъ себя? Вѣдь маменька первая же подала мысль...

— Ну да, ну да, само собою. Маменька твоя въ этомъ отношеніи, можно сказать...

Конецъ фразы застрялъ у него въ горлѣ, потому что въ это время вышла на балконъ къ нимъ

Гербъ рода Глинокъ.

сама маменька. Какъ и сынъ, она была въ праздничномъ нарядѣ: въ пышномъ кружевномъ чепцѣ, шелковомъ платьѣ и съ турецкою шалью на плечахъ. Тѣлосложенія она была не особенно крѣпкаго, видъ имѣла болѣзненный; но въ умныхъ и быстрыхъ глазахъ ея выражались властолюбіе и непреклонная воля.

— Что же ты, батюшка, примолкъ? что „маменька“? — строго спросила она мужа. — Договаривай.

Тотъ еще болѣе съѣжился въ своемъ халатѣ, какъ улитка въ своей раковинѣ.

— Да мы съ Ваней только такъ, отъ нечего дѣлать... Ждемъ вотъ чаю.

— Кромѣ чая, другихъ заботъ у тебя и нѣту? Ну, смотри, смотри на милость!—продолжала Ѳекла Александровна, когда изъ чайника въ чашку мужа потекла струя темно-бураго цвѣта. —Вѣдь это уже не чай, а какой-то декоктъ аптечный! Чтò бы, кажется, снять съ канфорки?

— Да я и самъ уже думаль...

— То-то, что ты все больше думаешь. Не забылъ бы только къ свадьбѣ сына халатъ-то скинуть, парикъ напудрить...

— Да развѣ такъ уже къ спѣху?

— Ахъ Ты, Господи! Лишь только вернемся съ невѣстой, такъ и къ вѣнцу. И отцу Іоанну уже наказано, чтобы былъ въ церкви съ дьякономъ и пѣвчими. Ну, ну, пейте оба поскорѣ!

Оба послушно принялись за свой чай, Ваня даже такъ усердно, что обжогъ себѣ нѣбо и отъ боли крякнулъ.

— Что съ тобой опять?—спросила Ѳекла Александровна, зоркимъ окомъ матери окидывая всю фигуру жениха-сына.—Эхъ! не можешь ты, Ваня, хорошенько повязать галстухъ! Сколько разъ вѣдь показывала! Дай, я тебѣ перевяжу... И вихоръ опять на самой макушкѣ!

— Да я, маменька, и то уже помадилъ, помадилъ...—пробормоталъ Ваня, проводя ладонью по непослушному вихру.

— А мокрой щеткой потомъ, конечно, не причесаль?

— Забыль, простите. Я, маменька, сейчасъ...

Иванъ Николаевичъ Глинка, отецъ композитора.

По фотографіи Булла, съ портрета, находящ. въ музеѣ Глинки въ Петербургѣ.

— Сиди, сиди! Допивай. До сихъ поръ вѣдь не можешь обойтись безъ няньки. Пора было женить тебя, пора!

— Нянька-то ужъ очень молоденькая,—вполголоса замѣтилъ мужъ.

— Что-о?—протянула Фекла Александровна.— Что ты говоришь?

— Я говорю, что Женичка еще на четыре года его моложе...

— Но зато она дѣвица; а дѣвушка въ четырнадцать лѣтъ невѣста. Къ именинамъ ей сшили даже длинное платье...

— Бѣлое кисейное!—съ оживленіемъ подхватилъ Ваня.—И какъ оно ей къ лицу!

— Еще бы,—улыбнулся Николай Алексѣвичъ надъ пылкостью сына:—что дѣвочка очень мила—никто не спорить. Но все-таки увезти ее этакъ насильно...

— Вовсе не насильно!—перебила мужа Фекла Александровна.— Съ полного ея согласія. Знаетъ же она нашего Ваню еще съ ранняго дѣтства, видится съ нимъ чуть не каждую недѣлю, привязалась къ нему тоже всей душой,—чего жъ больше? А по-твоему лучше, чтобы къ ней присватался какой-нибудь заѣзжій ферлакуръ, и Ваня нашъ остался бы съ носомъ? Нѣтъ, они созданы другъ для друга.

Въ это время изъ столовой донесся на балконъ бой стѣнныхъ часовъ.

— Ну, вотъ! уже пять часовъ; а въ половинѣ шестого мы обѣщались встрѣтиться съ нею около озера. Ѣдемъ, Ѣдемъ!

Карета, запряженная лихой шестеркой, стояла уже на дворѣ у крыльца. Тутъ же гарцовалъ на коняхъ разной масти конвой — двѣнадцать человѣкъ

дворовыхъ, вооруженныхъ ломами и топорами. Вокругъ толпилась и галдѣла вся женская дворня. Усѣвшись въ карету, барыня подозвала къ себѣ старшую горничную, Татьяну Карповну.

— Такъ смотри же, Татьянушка, не забудь коврика и внука.

— Помилуй, сударыня! — отвѣчала Татьяна: — какъ же безъ коврика и образника? Поѣзжайте съ Богомъ.

— Ну, пошелъ!

И шестерка тронулась почти съ мѣста вскачь, а за нею двѣнадцать верховыхъ.

Тѣмъ временемъ въ сосѣднемъ селѣ Шмаковѣ, отстоявшемъ отъ села Новоспасскаго всего въ восьми верстахъ и принадлежавшемъ дальнему родственнику и однофамильцу Николая Алексѣевича, Аѳанасію Андреевичу Глинкѣ, всѣ обитатели помѣщичьяго дома спали еще мирнымъ сномъ, — всѣ, кромѣ подростка-сестрицы Аѳанасія Андреевича, Женички.

Каждое утро она вставала нѣсколько ранѣе брата и жены его, Елизаветы Петровны, чтобы еще до утренняго чая выкупаться въ озерѣ. Сегодня же она поднялась съ постели даже раньше прислуги. Спустивъ ножки на полъ и въѣхавъ ими въ туфельки, она прислушалась, не слышать ли уже кого-нибудь въ домѣ, глубоко вздохнула и достала изъ комода чистое бѣлье, потомъ изъ шкапа свое именинное бѣлое платье и бѣлые же атласные ботинки.

Тутъ, когда она обернулась, въ глаза ей блеснулъ свѣтъ лампадки передъ образомъ Спасителя въ углу. И самъ Спаситель, сдавалось ей, глядѣлъ на нее съ укоризной и грустью. Въ невольномъ порывѣ она бросилась на колѣни и принялась истово молиться, класть поклоны. Когда затѣмъ ея увлажненные взоры поднялись опять къ Спасителю, ликъ Его точно просвѣтлѣлъ.

„Онъ меня благословляетъ!“ поняла дѣвочка, и на душѣ у нея стало чудно-легко.

Не прошло и четверти часа, какъ она была уже умыта, причесана, одѣта.

Схвативъ со стула и съ полу свое будничное платье, старое бѣлье и туфельки, она свернула все въ узелъ и, съ узломъ подъ мышкой, тихонечко растворила дверь въ коридоръ. Изъ дѣвичьей долетали женскіе голоса. Стало-быть, тамъ уже проснулись! Дай Богъ ноги...

На цыпочкахъ проскользнула она коридоромъ въ залу, оттуда въ стеклянную дверь на балконъ, а съ балкона въ садъ. На минутку ея бѣлое платье промелькнуло потомъ на солнцѣ, когда ей пришлось выступить изъ тѣнистой чащи сада на большую дорогу, по ту сторону которой лежало озеро. А тамъ путь ея шелъ лѣсною тропинкой попережнему въ тѣни.

Вотъ и озеро. Какъ чудно въ кристально-чистой водѣ отражается и зелень кругомъ и голубое небо! Такъ бы и окунулась туда... Но теперь не до того.

Она развернула свой узелъ, аккуратно разло